Рецензии

Алексей Титков

Рецензия на книгу: Забаев И. В. Основные категории хозяйственной этики современного русского православия: Социологический анализ. М.: Издательство ПСТГУ, 2012.

> «Я и еще один монах (о. Наум, 33 года) разбирали несколько комнат бывшего помещения клуба от всякого мусора. Пока мы этим занимались, я нашел ласты, оставшиеся от прошлых хозяев помещения. И говорю Науму: „Давай их выкинем“ [...] На что Наум мне отвечает: «Не надо это выкидывать. Эта вещь попала сюда по воле Божьей. И уйдет тоже. Мы не можем ее выкидывать» [Забаев, 2012, с. 72].

Исследование хозяйственной этики русского православия, проведенное И. Забаевым, шло к читателю долго, с середины 2000-х[1]. Выпущенное в небольшом университетском издательстве, не попавшее в сеть книжных магазинов даже в столице, оно и сейчас остается не очень доступным. Речь идет, однако, об одном из самых значимых за последнее десятилетие исследований по социологии религии в России. Работа заслуживала бы внимания уже одной своей полевой частью, наблюдением в православных монастырях

Алексей Сергеевич Титков — социолог (МВШСЭН 2010), кандидат географических наук, доцент философско-социологического отделения РАНХиГС, доцент факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН. Научные интересы: политическая социология, социология религии, культурсоциология.

1 Диссертация по исследованию защищена в 2006 г. в Высшей школе экономики. Пробел частично заполняли журнальные публикации (см. библиографию в конце статьи).

Сибири и Дальнего Востока, еще важнее ее вклад в теоретическую дискуссию.

Общий замысел работы — применить теорию и методику «Протестантской этики» М. Вебера к России и православному христианству — вряд ли требует лишних объяснений. Такой вопрос интриговал еще первых русских читателей Вебера. Попытки решить его, продвинуться дальше общей постановки и первых очевидных гипотез, по-прежнему наперечет. Можно только согласиться с высказанной Забаевым оценкой предыдущих исследований по этой тематике. Есть работы по хозяйственной этике православия, оторванные от экономической эмпирики, есть исследования, в основном исторические, хозяйства «религиозных акторов». Эмпирических, тем более полевых, исследований религиозной хозяйственной этики, которые заполнили бы пробел между ними, практически нет. Полевая часть исследования Забаева выполнена еще в 2003–2004 годах, но за прошедшее десятилетие его проект, пожалуй, все еще остается «последним словом» в этом направлении.

Сразу заметим, что Забаев, заявляя себя продолжателем веберовской традиции, сознательно отклоняется от Вебера в одном важном пункте. Восстанавливая ключевую для Вебера связку понятий «догматика — этика — практика», автор переворачивает логику веберовского исследования [Там же, с. 24–27]. В отличие от Вебера, который «разбирал этику, существующую в документах, а не этику, существующую в практике», Забаев строит свой поиск «в обратном направлении — от практики к этике и догматическим идеям».

Недостаток «дедуктивистской» веберовской схемы («сначала анализ догмата, затем анализ того, какое выражение те или иные постулаты находят в пастырской литературе, наконец, выявление места этих догматов в хозяйственной практике») автор видит в том, что из-за «большого количества догматических идей» невозможно заранее предположить, какие фрагменты догматики будут актуализированы в практике. Из-за этого, считает Забаев, велик риск, что будет выбран «не тот» фрагмент догматики, после чего исследователь в лучшем случае просто потеряет время на проверку ошибочного предположения, а в худшем — станет насильственно подгонять объяснение под исходные теоретические догадки. И, наоборот, подход «от эмпирии» предпочтительнее, так как помогает «не привнести в нее (вероятно, в практику или эмпирику. — ***А. Т.***) тех смыслов, которые акторы сами не предполагают в своем действии» [Там же, с. 27, 71–72].. В такой аргументации трудно не заметить базовую установку — предпосылку «обоснованной теории»: нельзя начинать с теории, а затем доказывать ее. Теория должна выводиться индуктивно из изучения феномена, из сбора и анализа данных. Она должна быть понятной и иметь смысл не только для исследователей, но и для тех,

кого они изучают[1]. При этом, конечно, построить исследование полностью в логике «обоснованной теории» Забаев не может, поскольку изначально связал с себя с концепцией Вебера, и это напряжение между двумя установками, едва ли совместимыми друг с другом, сказывается на всей работе.

Особое внимание в веберовской концепции Забаев обращает на тезис о «непреднамеренном эффекте» влияния протестантской этики, предполагающий, что становление капитализма не проистекало напрямую из экономических предписаний вождей и проповедников протестантизма, но объяснялось тем, что протестантизм по-новому соотнес устройство всей мирской жизни с предельными религиозными ценностями. Он ввел в повседневный мир протестанта новые категории (призвание, успех), непосредственно связанные с проблемой спасения. В логике исследования Вебера такой тезис означал, что при анализе хозяйственной этики протестантизма «поверхностные» тексты, посвященные каким-либо хозяйственным вопросам, менее важны, чем «глубинные» догматические и пастырские тексты, посвященные «последним вопросам» спасения в мире, и изучаться должны в первую очередь они.

В работе Забаева тот же тезис переформулирован в виде, совместимом с установкой на исследование «конкретных хозяйственных ситуаций». Этические идеи и категории, которые можно обнаружить в религиозных текстах, делятся им на «декларируемую» хозяйственную этику, или хозяйственную идеологию, и этику «реально-актуализированную», которая может быть обнаружена в конкретных ситуациях хозяйственной практики [Там же, с. 20, 27]. Различение «хозяйственной идеологии» и «этики, актуализирующейся в хозяйственной практике», позволяет исследователю разделить собранные им источники на «идеологические» и «практические». В первую группу вошли документы, прямо посвященные хозяйственным вопросам, включая взятые у «религиозных акторов» (священников, монахов) короткие интервью о смысле хозяйственной деятельности, во вторую — полевые дневники автора с описанием «конкретных хозяйственных ситуаций» и дополняющая их догматическая и пастырская литература общего характера.

Кроме того, введенное различие помогает в полемике с позицией предшественников (прежде всего Н. Зарубиной и Т. Коваль), кото-

1 Ср.: Страус А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: УРСС, 2001. С. 21. В работе Забаева «обоснованная теория» упоминается только в связи с техникой осевого кодирования, которую он использует для анализа полевых записей, но, судя по разбираемому аргументу, есть все основания говорить и о мировоззренческом влиянии «обоснованной теории».

рую автор называет «доминирующей в исследованиях православной этики хозяйства». Их анализ, как доказывает Забаев [Там же, с. 37, 69], воспроизводит «хозяйственную идеологию» и оставляет без внимания «этику, актуализированную в современной хозяйственной практике». Такой результат, как следует из аргументации книги, предопределен характером работы предшественников, которые имели дело не с современной хозяйственной практикой, а с древней литературой или вторичными источниками (религиозная философия Серебряного века). Выводы работы Забаева сводятся в кратком виде к идее, что основное содержание «реально-актуализированной» православной этики, ее «общая формула» (или «мотивационная схема») определяется категориями «Божьей воли (промысла)», «послушания» и «смирения» [Там же, с. 98–99, 108–110].

В изложении И. Забаева они выступают аналогами выделенных Вебером протестантских категорий «предопределения», «призвания и успеха». Оба набора категорий отвечают на одни и те базовые вопросы религиозной этики: о принципиальном (конечном) благе и возможности его достижения, т. е. спасения, и конкретной форме деятельности, которая способствовала бы достижению конечного блага [Там же, с. 27].

Православное христианство в отличие от протестантской концепции предопределения признает участие человеческой воли в деле своего спасения, задавая тем самым проблему, как выяснить волю Бога, как сделать, чтобы собственные воля и действие были с ней сонаправлены. По наблюдению Забаева, категория «воля Божья» связана, как правило, с ситуациями неопределенности и обычно используется для отказа от действия: «нет на то воли Божьей» [Там же, с. 74–77]. «Послушание» представляет собой практику, позволяющую прийти в согласие с божественной волей, а «смирение» представляет собой внутреннее состояние человека на пути к спасению, добиться которого можно через послушание (в протестантизме «по Веберу» те же роли выполняют категории призвания и успеха). За пределами монастыря в жизни православных мирян заменой (или подкреплением) категории послушания служит «благословение», а в целом пастырская литература для мирян предлагает, как правило, те же основные монастырские категории.

В отличие от «хозяйственной практики» в хозяйственной идеологии православного христианства ведущую роль играют, по Забаеву, идеи самообеспечения, любви к ближним и нравственного совершенствования. Хозяйственная идеология представляет собой другую реальность, слабо соотносящуюся с «реально-актуализованной» хозяйственной этикой.

Первое, что стоило бы обсудить в исследовании Забаева, — это его полевую составляющую, или, вернее, аргументы, которыми ав-

тор доказывает преимущества наблюдения в поле перед «дедуктивной» веберовской логикой. Бесспорно, вставки «из дневника автора» обогащают текст, создают впечатление причастности к «реальной хозяйственной практике». Некоторые из полевых заметок (как, например, приведенная в начале рецензии) особенно привлекают неожиданной схожестью с аналогичными зарисовками «конкретных практических ситуаций» в классических монашеских патериках Египта и Палестины. Менее очевидно другое: в какой мере Забаеву удалось доказать правильность своего «индуктивного» подхода.

Искать хозяйственную этику «в реальной хозяйственной практике», в старом клубе, где мусор и брошенные ласты, — под такой установкой подписались бы, конечно, многие убежденные полевики, доводы которых известны из той же «обоснованной теории». Сложность, однако, в том, что Забаева можно отнести к их лагерю лишь очень условно: слишком много в его работе сделано в противоположной «дедуктивной» схеме. Надо, следовательно, понять, обоснованно ли отступление от веберовской логики на одном из этапов, возможно, самом ответственном. На мой взгляд, скорее, нет; по крайней мере, ни один из предложенных Забаевым доводов не выглядит убедительным.

Нет оснований говорить, что догматика «слишком обширная» и не понятно, в какой части она актуализируется на практике, если буквально через один ход выясняется — «из Вебера», не «из практики», — какие именно последние вопросы важны для хозяйственной этики и определяют «общую формулу православного действия» [Там же, с. 27]. Отношения между волей Бога и человеческой волей — тема вполне определенная, и уже можно, отталкиваясь от нее, определить набор авторов для последующего анализа (скорее всего, Иоанн Кассиан и Максим Исповедник). Следующий довод Забаева, что подход «от богословия» может задать искаженную перспективу, можно считать правомерным, но точно так же, если не в большей мере, возможна ошибка в полевых наблюдениях. «Как нам кажется», «мы вначале не отнеслись к ним [словам информантов] серьезно, но потом решили пристальнее изучить», «производить толкование только из данных наблюдения... в данном случае опасно» и т. д. — все риски и колебания, связанные с полевым сбором данных, можно вывести из разбросанных по тексту собственных оговорок и замечаний исследователя [Там же, с. 74–77].

На мой взгляд, выбор между «веберовским» (от догматики) и «полевым» (от практики) подходами в любом случае, какую из альтернатив ни предпочесть, нельзя считать просто вопросом техники, различие затрагивает и более важный теоретический уровень. Развиваемый Забаевым «индуктивный» подход основан, как можно понять, на отношении к догматике как своего рода детскому кон-

структору, из которого на практике могут быть взяты и использованы, по ситуации, самые разные детали. Исходная веберовская интуиция представляла догматику, во-первых, единым целым, внутреннее логически связанным, во-вторых, именно из этого взаимосвязанного целого выводились психологические стимулы, задающие уклад жизни (*Lebensführung*) *и, как следствие, хозяйственную практику.*

Из «индуктивной» модели естественным образом следует идея Забаева о «современной хозяйственной этике православия» (с акцентом на первое слово), которая по каким-то существенным характеристикам должна отличаться от этики предшествующих периодов. Доказательством такого различия для Забаева служит, в частности, замеченное им обстоятельство, что «религиозные акторы» по-разному относятся к текстам XIX–XX веков и более старым текстам, предпочитая первые («они [...] ближе и понятнее нам») [Там же, с. 111]. «Дедуктивное» исследование в веберовской логике анализа, скорее всего, наоборот, сделало бы акцент на сходстве и преемственности (система догматики осталась прежней), а различия между периодами были бы признаны второстепенными.

Различие между двумя подходами возвращает нас к ранней полемике между Вебером и В. Зомбартом, одним из первых критиков веберовской работы. Едва ли не главным пунктом расхождения между ними был похожий вопрос: нужна ли в исследовании хозяйственной этики капитализме «глубокая вспашка» (выражение Зомбарта), погружение в фундаментальные богословские проблемы, или важно, наоборот, оставаться «на поверхности», изучая обыденное учение, массовое, практическое исполнение правил религии [Зомбарт, 1994, с. 183]. Исследование Забаева, несмотря на заявленное «веберианство» автора, в этом споре ближе, скорее, к позиции веберовского оппонента.

Решать, какая из двух моделей успешнее, сейчас, безусловно, рано. Пока можно лишь обратить внимание на некоторые проблемные точки, в которых расхождения между подходами могут оказаться существенными. Один из спорных пунктов связан как раз с анализом пастырской литературы и пастырской практики. Выдвинув тезис, что «у священников православия [...] распространена практика апеллирования — поиска воли Божьей», И. Забаев [2012, с. 74] обращается за доказательством к «православной литературе, посвященной этому вопросу». В качестве образца им выбран «Илиотропион» епископа Иоанна Тобольского (Максимовича). Такой аргумент выглядит, по меньшей мере, неоднозначным: «Илиотропион» представляет собой заимствование из другой традиции — адаптированный перевод сочинения писателя-иезуита Иеремии Дрекселя [Софронова, 2010, с. 219–230; Гумеров, 2008].

Для иезуитской духовности тема поиска воли Бога, согласования с ней, действительно оказывается одной из самых значимых. Достаточно сказать, что «Духовные упражнения» Игнатия Лойолы [1996], ключевой для данной традиции текст, определяет подобные упражнения «для поиска и обретения воли Божьей». Точно так же Р. Барт [2007] в своем анализе «Духовных упражнений» подчеркивает стремление обнаружить волю Бога («Какова она? Где она? К чему склоняется?») и сопоставляет такую направленность с мантикой, античным искусством божественных советов. При этом в русской православной литературе, как признает Забаев [2012, с. 74], «мы знаем только два более-менее распространенных сочинения, специально посвященных вопросу о воли Божьей, ее толкования и согласования с ней человеческого действия», оба — авторства Иоанна Максимовича. Здесь, на мой взгляд, можно говорить об исследовательской ошибке, причем именно «полевого» происхождения[1].

Тем не менее, даже неверный (на мой взгляд) ход с выбором «Илиотропиона» Максимовича важен тем, что обращает внимание на существенную для изучаемой области проблему: воздействие литературы западного, прежде всего католического, происхождения, прочно вошедшей в массовый обиход. Под западным влиянием в Русской церкви появились, к примеру, молитвословы и упорядоченные «по заповедям» пособия для исповеди — жанры, без которых вряд ли можно представить современную православную практику. Можно уже сейчас представить себе, что «индуктивные» («от практики») исследования будут склонны преувеличивать, а «дедуктивные» («от догматики»), наоборот, преуменьшать их роль и значение. Найти удовлетворительное решение здесь только предстоит.

Наконец, возникает неизбежный для «полевого» («индуктивного») подхода вопрос о принципиальной наблюдаемости хозяйственной этики в веберовском смысле. Для исследования Забаева этот вопрос появляется в связке с темой о различиях между «идеологией» и «актуализированной хозяйственной этикой», интересной, но пока не вполне проясненной. Расхождение «актуальной этики» и «идеологии» Забаев объясняет тем, что «православные акторы в хозяйственной жизни используют те же категории, которые регулируют жизнь в целом», но «как только они начинают осмыслять хозяйство, они оказываются вынужденными оставить центральные, осевые категории православия и использовать другие идеи для описания смысла и значимости хозяйства» [Там же, с. 97].

1 Ср. с обоснованием Забаева: «мы увидели „Илиотропион“ на полке небольшой кабинетной библиотеки наместника» [Там же, с. 74].

Принять такое объяснение (как и само различение «идеологии» и «актуальной этики») можно в случае, если будет понятно, как достоверно выяснить и описать «этику, актуализированную в практике», которая не была бы осмыслена и высказана самими «религиозными акторами».

Наблюдение за «конкретными хозяйственными ситуациями» даст нам, говоря в веберовской терминологии, *актуальное*, но не *объясняющее понимание*, более важное для нашей задачи. Наблюдая за работой «религиозного актора», мы можем понять, что он убирает мусор или кладет штукатурку, но вряд ли сумеем выяснить смысловые связи, последние цели и ценности, стоящие за этим действием [Вебер, 2002].

Доступ к предельным целям приоткрывается для нас, прежде всего, в ситуациях, когда кто-то из участников не понимает смысла действия и прерывает его, чтобы получить объяснения у других. Зачем, к примеру, надо штукатурить сырую стену или почему старые ласты нельзя выкинуть прямо сейчас [Забаев, 2012, с. 72, 84]. По замечанию Забаева, описанные ситуации соотносятся, как правило, со «спорами по поводу тех или иных вопросов, связанных с хозяйством». Мы имеем дело, таким образом, с чем-то напоминающим «критические моменты», ситуации спора, на которых построена социология моральных оправданий Л. Болтански и Л. Тевено [2000]. Главная их отличительная особенность состоит в том, что беспроблемная и нерефлексивная практика прерывается, и участники «начинают осмыслять хозяйство». Следуя приведенному объяснению Забаева, в этот момент «религиозные акторы», казалось бы, должны были перейти на язык «идеологии», но они почему-то объясняются в категориях «актуализированной хозяйственной этики». Будем считать этот момент сложностью, требующей дальнейшего объяснения[1].

Обзор работы Забаева был бы неполным без авторского «Постскриптума», в котором развивается гипотеза о влиянии православной хозяйственной этики на «дух социализма» и «советский тип действия». Эта часть авторского замысла публиковалась в журнальном варианте [Забаев, 2008, с. 95–113], и она, по собственной оценке исследователя, «имеет вид именно гипотезы и не верифицирована к настоящему времени» [Забаев, 2012, с. 5]. Основное, что можно сде-

1 Как один из возможных вариантов ответа: в рамках «социологии оправдения» Болтански — Тевено различие между «идеологией» и «актуализированной хозяйственной этикой» по Забаеву можно переопределить, сблизив их с двумя типами моральных оправданий, выделенных Болтански и Э. Кьяпелло в «Новом духе капитализма»: оправдания универсальные, «для внешнего мира», и индивидуальные, «как в работах Вебера», создающие психологические стимулы для личного участия в капиталистическом хозяйстве [Болтански, Кьяпелло, 2011, с. 41–52].

лать с идеей Забаева сейчас в предварительной стадии «обоснования гипотезы», — это наметить соперничающие гипотезы, с которыми ей придется спорить и, если получится, превзойти. Надо будет доказать, во-первых, что советское хозяйство первой половины — середины XX века, его трудовая этика, было в своих главных чертах культурно самобытным, а не просто «советским фордизмом» одной из версий индустриальной организации западного типа, как его рассматривают теоретики индустриального общества. Во-вторых, оспорить уже заявленную, например, в работах В. Магуна [1997, с. 134–137; 2003, с. 260–275], идею, что советская трудовая этика аскезы и мобилизации заметно отличалась от традиционной хозяйственной этики и была во многом близким аналогом протестантской этики труда.

Самый общий вопрос к исследованию Забаева, и будущему, и уже проведенному, состоит, конечно, в том, насколько точным и насколько полным получился выведенный в ней образ «современной православной хозяйственной этики». Мне представляется, что выделенное автором единственное измерение «послушания и смирения» будет явно недостаточным. Покорность, подчинение, послушание считаются характерной чертой множества других религиозных систем, начиная с того же немецкого протестантизма (см. ключевой аргумент «Бегства от свободы» Э. Фромма) и до кришнаитства и дзен-буддизма. Больше того, именно подчинение высшим силам, следование установленным ими правилам тот же М. Вебер называл основным характерным признаком, отличающим религию от магии, которая стремится подчинить себе эти силы, принудить их служить людям [Вебер, 1994, с. 95–98 и др.]. Исследование И. Забаева приводит нас таким образом к выводу, что православная хозяйственная этика есть этика религиозная — вывод, наверное, правильный, но явно требующий дополнений.

Простая интуиция здравого смысла подсказывает, что между этикой православного христианства и, например, ислама («покорность» в переводе с арабского) или конфуцианства, должна существовать какая-то значимая разница, не сводимая к измерению «послушания», которое их скорее объединяет, чем различает. Поиск такого «второго измерения» — это, может быть, главный вызов, который нам предлагает разбираемое исследование.

Возможно, Забаев [2012, с. 98–99] уже сделал важный ход в этих поисках, указав на духовничество как «нравственное ядро хозяйственных практик» и «явление, на котором лучше всего понимается воздействие на актора хозяйственной этики современного православия». Задача теперь в том, чтобы обнаружить в этом ядре что-то еще, кроме послушания, кроме техник «приведения к подчинению» (assujettissement) в стиле Фуко. Мне представляется, что восточнохристианская практика «различения помыслов», ключевая составляющая духовничества, которая существенно повлияла на обыч-

ную массовую исповедь, приоткрывает нам это «второе измерение». В любом случае поиск обсуждение таких гипотез — дело будущего.

Общее впечатление от исследования И. Забаева могло бы быть выражено в шахматной нотации знаком «?!» — так обозначаются ходы, которые кажутся спорными, нарушающими привычные «как надо», но после которых игра оживляется, приобретает новый оборот, более интересный, чем раньше. «Основные категории» можно критиковать за методику, за выводы, за любые частности, но для исследователей хозяйственной этики религий в России она становится, пожалуй, обязательным чтением.

Библиография

1. *Барт Р. Сад. Фурье. Лойола. М.: Праксис, 2007.*
2. *Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 3. С. 66–83.*
3. *Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011.*
4. *Вебер М. Основные социологические понятия // Теоретическая социология: Антология/под ред. С. Баньковской. Ч. 1. М.: Книжный дом «Университет», 2002.*
5. *Вебер М. Социология религии (Типы религиозных сообществ) // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.*
6. *Гумеров Александр, свящ. Предисловие // Святитель Иоанн Тобольский. Илиотропион. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008.*
7. *Забаев И. Мотивация хозяйственной деятельности в этике русского православия // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 1 (81). С. 149–160.*
8. *Забаев И. Основные категории хозяйственной этики современного русского православия // Социальная реальность. 2007. № 9. С. 5–26; № 10. С. 36–62.*
9. *Забаев И. Православная этика и дух социализма (к обоснованию гипотезы) // Полития. 2008. № 1 (48). С. 95–113.*
10. *Забаев И.. Основные категории хозяйственной этики современного русского православия: Социологический анализ. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012.*
11. *Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека // Зомбарт В. Буржуа. М.: Наука, 1994.*
12. *Игнатий Лойола. Духовные упражнения Париж: Славянская библиотека, 1996.*
13. *Магун В. Российские трудовые ценности в сравнительной перспективе // Социологические чтения. Вып. 2. М.: Институт «Открытое общество»; Институт социологии РАН, 1997.*
14. *Магун В. Смена диапазона (современные российские трудовые ценности и протестантская этика) // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 260–275.*
15. *Софронова М. Иоанн (Максимович Иван; 1651–1715) // Православная энциклопедия. Т. XXIII (Иннокентий — Иоанн Влах). 2010.*
16. *Страус А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: УРСС, 2001.*